

МОРКОВКИН В. В.

ОБ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ»

Человеческий язык, каким он видится его носителям, — это прежде всего и главным образом язык слов. Такое наивное представление во многом отражает действительное положение вещей, поскольку, как пишет А. И. Смирницкий, «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловая единица вообще языка» [1, с. 183], или, говоря словами Ф. де Соссюра, «как нечто центральное в механизме языка» [2, с. 143].

Единственной языковедческой дисциплиной, в которой слово (или сходная с ним по функциям единица) рассматривается в совокупности всех своих свойств, является лексикография. Лексикография как явление *suí generis* представляет собой основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнаруживает результаты своей деятельности. В этом смысле лексикография может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция — как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом. Кроме того, любые рассуждения о лексикографии должны принимать во внимание тот немаловажный факт, что в глазах лингвистически неискушенного человека словари — это чуть ли не единственное, что оправдывает само существование лингвистики. Но вот парадокс: лексикография, представляющая собой древнейшую отрасль филологической деятельности человечества, до сих пор не располагает хорошо разработанной теорией. Достаточно сказать, что примерно до половины пятидесятих годов нашего столетия незаконченная щербовская работа «Опыт общей теории лексикографии» [3] оставалась единственной попыткой подняться над уровнем аналитического комментирования уже принятых или принимаемых конкретных лексикографических решений и взглянуть на лексикографию как на отдельную научную дисциплину. Отсутствие теории лишало и лишает лексикографическую практику ясных перспектив и весьма болезненно сказывается на качественной стороне создаваемых лексикографических трудов.

Не останавливаясь на причинах очевидной несбалансированности теоретических основ и практических достижений словарного дела, перейдем непосредственно к рассмотрению понятия «теоретическая лексикография», в рамках которой прежде всего выделяется «теория лексикографии». В качестве исходного пункта в настоящей работе принимается известная интерпретация понятия «теория лексикографии», в соответствии с которой оно включает в себя типологию словарей и учение о структуре и элементах словаря. Это понимание, предложенное во французской науке о словарях, без каких-либо оговорок принимается и в последнем по времени крупном отечественном общелексикографическом исследо-

вании, выполненном П. Н. Денисовым, который, в частности, пишет: «... теорию лексикографии делают на типологию (научную классификацию) словарей и на учение о структуре, или элементах словаря. Такое деление принимается и в нашей работе» [4, с. 5].

О том, что проблема типологического разнообразия лексикографических трудов, равно как и вопрос о структурных элементах словаря являются объектом теории лексикографии, спорить не приходится. Однако эти два несомненно важных проблемных блока отнюдь не исчерпывают содержания последней. Приведенная выше интерпретация теории лексикографии оставляет без внимания, по крайней мере, еще пять существенно важных аспектов лексикографической деятельности.

Первым таким аспектом является определение и структурирование самого понятия «лексикография». Действительно, если обнаружение содержания понятия «лексикография» не является задачей теории лексикографии, то, следовательно, это либо задача какой-то другой науки, либо нечто само собой разумеющееся. И то и другое неверно. Важнейшая задача любой теории состоит именно в установлении сущности и границ того явления, рассмотрение которого составляет ее содержание. И это вполне понятно, поскольку странно полагать, что определение и характеристику объекта теории той или иной научной дисциплины можно заимствовать из какой-нибудь другой дисциплины. Дополнительным подтверждением отсутствия общезначимого понимания термина «лексикография» может служить настоящее рассуждение, а также далеко не всеми признаваемый факт расщепления недавно еще целостного понятия «лексикография» и выделение в ее рамках «учебной лексикографии», «машинной лексикографии», «тезаурусной лексикографии» и некоторых других.

Во-вторых, критикуемое понимание теории лексикографии основывается, как кажется, на мысли о том, что имеется некая общезначимая лингвистическая интерпретация языковых явлений, которую лексикографу остается только взять и использовать. Между тем, если обратиться к описаниям языка, как они излагаются в существующих общелингвистических трудах, нетрудно убедиться, что общезначимые решения в лингвистике скорее исключение, чем правило. Правилom же является нечто противоположное — наличие широкого спектра альтернативных, несходных и взаимно дополнительных точек зрения практически по каждому из существенных вопросов, начиная от определения понятия «слово» и кончая интерпретацией целых лексико-грамматических классов (ср. местоимения, числительные, категория состояния и некот. др.). Такая ситуация делает неабсурдным предположение о том, что существенное место в теории лексикографии должна занять разработка специальной, ориентированной именно на потребности практического лексикографирования лексикологии. В этой лексикологии — ее можно было бы назвать словарной — языковые единицы и категории должны быть рассмотрены так, чтобы в самой их интерпретации содержалось указание на те блоки сведений, которые требуют обнаружения в ходе лексикографирования.

Но лексикограф — и в этом тоже особенность его деятельности — имеет дело не с закрытыми, а с принципиально открытыми перечнями языковых фактов. Это значит, что никакое закрытое лингвистическое описание даже в рамках специально разработанной словарной лексикологии не в состоянии учесть все конкретные случаи, с которыми может столкнуться создатель того или иного лексикографического произведения. В связи с этим помимо словарной лексикологии он должен иметь в своем

распоряжении еще и методологические рекомендации, которые позволяли бы ему справляться с трудностями, не отраженными в специальном описании языковых единиц и лингвистических категорий.

Таким образом, мы устанавливаем второй необходимый компонент теории лексикографии, не учитываемый ни одной из известных интерпретаций обсуждаемого понятия. В идеале этот компонент должен быть представлен, во-первых, перечнем методологических рекомендаций (ориентиров), определяющих оптимальный в лексикографическом отношении подход к трактовке языковых и метаязыковых фактов, а во-вторых, курсом словарной лексикологии, содержанием которого была бы ориентированная на нужды лексикографической практики трактовка наиболее важных языковых и метаязыковых явлений. Отличительной чертой словарной лексикологии должны стать, с одной стороны, преодоление в значительной мере искусственного разделения ряда дисциплин внутренней лингвистики и рассмотрение фонетики, фонологии, морфологии, словообразования, присловного синтаксиса в рамках лексикологии, а с другой — расширенное понимание всех реализуемых в словаре языковых категорий с особым вниманием к адекватной интерпретации так называемых системных швов [16].

В-третьих, из того факта, что теория лексикографии ограничивается учением о типах словарей и учением об элементах словаря, вытекает, что остается открытым вопрос о статусе одного из важнейших аспектов лексикографической деятельности, а именно вопрос об источниках словарей, формах и методах накопления и хранения первичных словарных материалов. А ведь это весьма непростой вопрос, тем более, что от его решения во многом зависит успех любого лексикографического предприятия. Определение корпуса источников планируемого словаря, характер и особенности использования других словарей в качестве источника, виды и методика расписывания общелитературных и специальных произведений, целесообразность, методика и границы использования в качестве одного из источников записей устной речи, использование информантов (демоскопия), характер и длина текстового отрезка, в составе которого извлекается и хранится соответствующая языковая единица, количество текстовых отрезков, иллюстрирующих употребление одной и той же языковой единицы, виды словарных картотек и методика их ведения, инструкция для выборщиков как особый жанр лексикографической литературы, возможности малой и большой механизации картотечного дела — вот далеко не полный перечень относящихся к этому аспекту проблем, которые требуют специального углубленного рассмотрения в рамках теории лексикографии.

В-четвертых теория лексикографии, как она складывается в настоящее время, совершенно недостаточно учитывает одну, может быть, и не бросающуюся в глаза, но тем не менее весьма существенную особенность лексикографии. Речь идет об имманентной неоднородности лексикографической деятельности, в которой совмещаются два неблизкородственных творческих процесса. Содержанием первого процесса является чисто филологическая деятельность в ее классической форме (скрупулезный анализ и описание различных фактов языка). Содержание второго — деятельность инженерно-конструкторская, направленная на преобразование разрозненных информационных блоков (они получают в результате филологического анализа) в целостную информацион-

ную систему. С этой точки зрения традиционный словарь с его содержательной многоаспектностью, композиционной неоднородностью, аппаратом однонаправленных и взаимных отсылок, значимыми выделениями и т. п. может быть в определенном смысле уподоблен механическому устройству, обеспечивающему читателю доступ к сведениям о языке. Вполне понятно, что создание такого «устройства» — задача прежде всего инженерно-конструкторская. Отсутствие ясного осознания важности инженерно-конструкторской стороны лексикографии и обусловленное этим обстоятельством пренебрежение к проблемам лексикографического конструирования является, как кажется, основной причиной очевидно-го несоответствия между значительным информационным потенциалом большинства современных словарей русского языка и ограниченными возможностями доступа к содержащейся в этих словарях информации. Таким образом, все многообразие проблем, связанных с определением оптимального вида отдельных компонентов словаря, всего словаря в целом, всей словарной серии или системы рассматривается в рамках того раздела теории лексикографии, который можно назвать лексикографическим конструированием. Важность этого раздела особенно очевидна для некоторых функционально связанных филиалей лексикографии, таких, как учебная лексикография, машинная лексикография и т. д. Применительно, например, к учебной лексикографии указанное обстоятельство объясняется тем, что она обычно имеет дело с меньшими массивами языковых единиц, и, следовательно, обладает большими возможностями в манипулировании ими. Кроме того, учебная лексикография должна согласовывать свои решения с методикой обучения языку, которая в концептуальном отношении находится в постоянном движении (не всегда, правда, поступательно).

В-пятых, теория лексикографии не может уклоняться и от рассмотрения проблем планирования и организации словарной работы, тем более что здесь немало загадок и трудностей, требующих объяснения с учетом специфики именно лексикографической деятельности. Известный теоретик лексикографии Л. Згуста, например, пишет: «Я, конечно, не могу судить о всех лексикографических проектах, реализованных в прошлом или реализуемых в настоящем, но из тех, о которых я знаю, ни один не был завершен в положенное время и на те средства, которые первоначально считались достаточными для его реализации» [7, с. 348]. То же самое можно сказать и о практически обязательном превышении запланированного объема создаваемых словарей.

Чем можно объяснить эти удивительные факты? Главной причиной неадекватности планирования является, как кажется, явление, которое можно назвать лексикографическим идеализмом. Планируя срок завершения словарного проекта, лексикограф интуитивно основывается на двух неверных предположениях. Первое состоит в том, что языковой материал, который ему предстоит рассматривать, аналогичен тому материалу, с которым он уже имел дело в своем прошлом опыте или в ходе пробного лексикографирования в рамках данного проекта. Между тем универсальный закон, согласно которому будущее никогда не повторяет прошлого, в полной мере сохраняет свою силу и применительно к лексикографии. Практически каждая новая языковая единица в том или ином отношении и в той или иной мере неповторима, практически каждая чревата неожиданным поворотом в плане выражения и/или плане содержания. Если так (а практика лексикографической работы не оставляет здесь места для сомнений), то любое планирование в области

лексикографии должно непременно предполагать использование коэффициента непредсказуемого сопротивления языкового материала или, проще, коэффициента непредсказуемых трудностей. Второе неверное предположение, на основе которого осуществляется лексикографическое планирование, заключается в убеждении, что подробный проспект словаря (инструкция для составителя), написанный на пределе возможностей, обсужденный на всех положенных уровнях, исправленный и дополненный в соответствии с замечаниями рецензентов и оппонентов, содержит окончательные для данного словарного проекта решения всех связанных с ним проблем. В действительности дело обстоит несколько иначе.

Создавая проспект, лексикограф, во-первых, описывает в нем, если быть точным, не сам словарь, а его модель, т. е. объект неизмеримо более простой, чем собственно словарь, а во-вторых, он опирается при этом только на общую идею словаря и результаты пробного лексикографирования ограниченного массива языковых единиц. Но ведь анализирующее сознание лексикографа не выключается после написания проспекта. Наоборот, в ходе сплошного лексикографирования отобранного языкового материала лексикограф продолжает работать в заданном направлении, постоянно проверяя на все новых и новых языковых единицах (т. е. учитывая обратную связь) оптимальность зафиксированных в проспекте решений. Таким образом, в процессе реализации любого «затяжного» лексикографического проекта неизбежно появляются и накапливаются решения лучшие, чем те, которые положены в его основание. Иначе говоря, «созревание» концепции происходит в ходе ее воплощения и параллельно с ним. В результате лексикограф оказывается обычно перед дилеммой: либо пренебречь лучшими, но несколько запоздалыми решениями, либо по ходу работы вносить изменения, заменяя худшие решения лучшими.

Первый путь, создавая необходимые условия для соблюдения графика работы над словарем, приводит, однако, к парадоксальной ситуации, следствием которой является то, что после окончания работы над словарем отражаемая им концепция представлена уже по меньшей мере в двух вариантах. В первом варианте она воплощена в самом словаре. Ее характерная черта — отражение, главным образом, таких представлений об объекте и характере лексикографирования, которые сложились у автора (авторов) в самом начале реализации словарного проекта. Во втором варианте концепция существует в невоплощенной форме. Но, впитав в себя весь накопленный автором (авторами) опыт, пройдя проверку на обширном языковом материале, она представляет собой уже нечто несравненно более последовательное, внутренне организованное и зрелое.

Другой путь — использование результатов «созревания» концепции в самом реализуемом проекте — предполагает переработку уже сделанного словарного массива и, следовательно, определенно рушит график работы и отодвигает в неизвестность срок ее завершения.

Несмотря на формальные преимущества первого пути, ожидать, что будет избран непременно он, — значит предъявлять явно чрезмерные требования к профессиональной совести лексикографа. Чтобы дело обстояло именно так, руководить реализацией лексикографического проекта должен не лингвист, а чистый администратор. Поскольку же во главе лексикографических проектов стоят, как правило, лексикографы-лингвисты, избирается обычно средний путь. В согласии с ним те альтернативные решения, которые не требуют полной переработки уже подготовленного словарного массива, принимаются, а идеи более радикальные откладываются

в долгий ящик для реализации в последующем издании словаря или в каком-нибудь параллельном словарном проекте. Ясно, конечно, что такой «ремонт» концепции по ходу работы над словарем оборачивается, как правило, пусть не катастрофическим, однако весьма заметным нарушением сроков завершения работы. Коль скоро это так, планирование в словарном деле требует учета и специального коэффициента, отражающего неизбежность замедления работы из-за необходимости внесения уточнений и изменений в исходную концепцию (его можно было бы назвать коэффициентом следящего совершенствования концепции словаря).

Кроме приведенных причин нарушения сроков реализации лексикографических проектов — а они, как кажется, обладают наибольшей объяснительной силой — в научной литературе можно найти указание на существенную роль таких факторов, как трудности, связанные с работой авторских коллективов; распространенное, но в корне ошибочное представление о легкости и механическом характере лексикографической работы; постоянные изменения в языке и непрекращающееся порождение новых текстов, в результате чего слова всегда сохраняют семантическую неопределенность, и др.

Что касается практически обязательного превышения планируемого объема словаря, то оно также должно предусматриваться посредством использования соответствующего коэффициента. Сам факт превышения объема определяется двумя основными причинами. Первая состоит в следующем. Существенным моментом первоначальной разработки любого словаря является установление разумных ограничений на количество заголовочных единиц и на полноту их описания. В период планирования принятые ограничения, сформулированные обычно в виде определенных принципов и/или критериев, кажутся достаточно строгими, а их соблюдение представляется делом простым и естественным. Такая ситуация объясняется тем, что, планируя, лексикограф также ориентируется скорее на модель словаря, чем на сам словарь, скорее на некие абстрактные (усредненные) языковые единицы, чем на реальные слова и лексические объединения. Идиллия кончается вскоре после начала практической работы над словарем. Заранее принятые ограничения, как правило, оказываются далеко не настолько совершенными и строгими, чтобы на их основе можно было однозначно отделить то, что необходимо включить в словарь, от того, что можно было бы и не включать.

Вторая причина — боязнь ущемить слово, недораскрыть его, утаить от читателя информацию, которая может оказаться ему полезной. Поскольку же границы существенного в семантике и употреблении лексики далеко не всегда четки и определены, часто бывает трудно не поддаваться соблазну интерпретировать слово «с походом», придерживаясь известного житейского принципа: сократить всегда успеется. На самом же деле сокращать уже созданное много труднее, чем восполнять недостающее, в первых, потому, что сокращение — это далеко не механический процесс (оно связано с перестройкой определенного гармонического целого), а во вторых, сокращение только ради того, чтобы уложиться в заданный объем, сопряжено для лексикографа с известным психологическим дискомфортом, что вполне понятно. Ясно, что выработка всех перечисленных коэффициентов возможна только в рамках теории лексикографии.

Среди проблем, связанных с организацией словарной работы, существенное место занимает формирование оптимального в количественном и качественном отношении авторского коллектива для работы над опре-

деленным словарным проектом. Идеальный лексикограф, по моему разумению, совмещает в себе, с одной стороны, способность к теоретическому восприятию и задатки хорошего конструктора, а с другой — склонность к монотонной и скрупулезной филологической работе, не угасающий интерес к живому, пульсирующему слову с его большими и маленькими загадками и тайнами. Поскольку качества эти чрезвычайно редко соединяются в одном человеке, постольку в постоянно действующих лексикографических коллективах желательно иметь специалистов того и другого склада, которые таким образом могли бы дополнять друг друга.

Специалист, обладающий в достаточной мере качеством лексикографа-теоретика, но вовсе лишенный качества лексикографа-практика, может заниматься практическим лексикографированием только в составе авторского коллектива. Специалист, обладающий в достаточной мере вторым качеством, но вовсе лишенный первого, может вполне успешно заниматься словарной работой как в составе авторского коллектива, так и самостоятельно, если, конечно, в последнем случае от него не требовать принципиально нового словаря или остроумных лексикографических решений. Если же человек лишен обоих упомянутых качеств, ему лучше лексикографией не заниматься: он может быть только покупателем или читателем словаря.

Таким образом, теория лексикографии включает в себя по меньшей мере семь разделов, каковыми являются: а) определение объема, содержания и структуры понятия «лексикография», б) словарная лексикология, в) учение о типах словарей, г) учение об элементах словаря, д) учение об основах лексикографического конструирования, е) учение о первичных словарных материалах, ж) учение о планировании и организации словарной работы.

Однако теория лексикографии, составляя ядро теоретической лексикографии, не исчерпывает последнюю. В качестве элемента, различающего эти понятия, выступает история лексикографии.

Действительно, любая лексикографическая деятельность осуществляется на фоне огромной совокупности уже созданных словарей, т. е. на фоне исключительно богатой, многообразной, часто противоречивой лексикографической традиции. Поскольку проблемы, с которыми сталкиваются создатели словарей, в значительной степени однотипны и поскольку все они в уже существующих словарях непременно получили какое-то решение¹, настоятельно необходимым представляется постоянное следящее обобщение опыта практического лексикографирования, причем крайне желательно, чтобы такое обобщение осуществлялось именно лексикографами². Указанное обобщение и должно быть главной задачей истории лексикографии.

Здесь, однако, уместно, как мне представляется, еще раз коснуться вопроса об определенных особенностях специалиста-словарника как судь-

¹ В своей практической деятельности лексикограф лишен привилегии выбирать для рассмотрения только такие проблемы, которые ему по душе; проблемы перед ним ставятся самим лексикографируемым материалом, и он должен их решать независимо от того, имеют ли они решение в теоретической лингвистике или нет. В этом смысле можно сказать, что не лексикограф выбирает проблемы, а проблемы выбирают лексикографа.

² Ценность описательно-лексикографических работ, написанных языковедами, не имеющими опыта самостоятельного практического лексикографирования, состоит, вероятно, только в привлечении внимания научной общественности к проблемам словаря. Самой же лексикографии они (за редчайшим исключением) не дают ровным счетом ничего.

екта лексикографического процесса. Дело в том, что по роду своего занятия, а часто и по самому своему характеру словарник обычно не склонен обобщать свой опыт, считая достаточным, чтобы решения *ad hoc*, положенные в основание определенного лексикографического проекта, хорошо согласовывались именно с тем языковым материалом, который этим проектом охватывается. Стремление специалистов-словарников к обобщению накопленных практических знаний, к сличению своего профессионального опыта с опытом коллег и предшественников — явление относительно новое как для нашей, так и для зарубежной лексикографии. Оно привело к тому, что в нашей науке сейчас складывается новый (щербовский) тип лексикографа. Современный лексикограф (я имею в виду прежде всего наших ведущих специалистов) не только занимается составлением словарей или не просто совмещает работу над словарем с традиционной академической деятельностью, но и активно участвует в разработке теоретических основ своей науки-искусства-ремесла. Именно в этом я вижу знаменное время, в этом усматриваю существенную отличительную черту современной советской лексикографии. Качественная новизна сегодняшней лексикографической ситуации представляется особенно очевидной на фоне достойной сожаления реальности недавнего прошлого, когда наши лучшие лексикографы, создавая выдающиеся лексикографические произведения и аккумулируя в процессе их создания огромные массы знания, уклонялись, однако, от формулирования эксплицитных лексикографических концепций. Единичные исключения из этого печального правила (хрестоматийный пример — Л. В. Щерба) только оттеняют само правило.

Конечно, существуют определенные объективные причины того, что лексикографы относительно редко позволяют себе выступать в роли теоретиков. Одной из таких причин является, например, тот очевидный факт, что хорошим лексикографом-практиком может стать, как уже говорилось, далеко не любой лингвистически грамотный или даже лингвистически талантливый человек. Чтобы заниматься созданием словарей, надо обладать особым темпераментом, особыми наклонностями и особым складом ума. Готовность изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год исследовать и описывать слова, бесконечные вереницы слов предполагает, в частности, определенное превышение аналитических способностей над способностями синтезирующими. Кроме того, постоянное общение со словами, каждое из которых в большинстве случаев неповторимо, неизбежно вырабатывает у лексикографа известный скепсис относительно ценности широких обобщений. Ведь теоретические концепции, объектом рассмотрения в которых выступает слово, строятся, как правило, на относительно небольших, и что самое важное, специально подобранных (т. е. показательных) массивах языковых единиц. Лексикограф же обычно имеет дело со сплошными массивами лексических единиц и не имеет возможности абстрагироваться от случаев, которые не укладываются в ту или иную теоретическую схему.

История лексикографии неоднородна. В ее пределах могут быть выделены, по крайней мере, два раздела. Первый раздел — история словарей и целостных лексикографических концепций. Объектом исследования в этом разделе является общая или выборочная совокупность лексикографических произведений. Цель исследования состоит в аналитической каталогизации и содержательной систематизации рассматриваемого массива произведений, в выявлении приуроченных к определенным временным и событийным вехам лексикографических приоритетов, а также в установлении места отдельных словарей или концепций в национальном и ми-

ровом лексикографическом процессе. К работам, выполненным в русле обсуждаемой филиации истории лексикографии, относятся, например, лексикографические разделы в традиционных курсах лексикологии современного русского языка, а также такие произведения, как [8—10] и др. Вторым разделом истории лексикографии может считаться история решения типовых лексикографических проблем. Объектом рассмотрения в этом разделе выступают зафиксированные в словарях и теоретических работах осмысления отдельных элементов словаря или, другими словами, совокупность уже предложенных решений таких вечных лексикографических проблем, как формирование словника, расположение заголовочных единиц, грамматическая характеристика, толкование, иллюстративные речения, отражение разного рода относительно ценностных характеристик и т. п. Целью рассмотрения является оценка, систематизация и представление в удобном для ознакомления виде всего накопленного по данной проблеме знания или его определенной части.

Итак, теоретическая лексикография включает в себя теорию лексикографии и историю лексикографии. Теоретическая лексикография вместе с практической (в нее входят: а) создание словарей, б) накопление и хранение первичных словарных материалов) составляют содержание понятия «лексикография», которую в самом общем виде можно определить как область филологической и инженерно-филологической деятельности, состоящей в создании словарей и других произведений словарного типа, а также в осмыслении всей суммы относящихся к этому проблем. В обобщенном и иерархически упорядоченном виде содержательное разнообразие понятия «лексикография» может быть представлено так:

0.0. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

1.0. теоретическая лексикография,

1.1. теория лексикографии,

1.1.1. определение объема, содержания и структуры понятия «лексикография»,

1.1.2. словарная лексикология,

1.1.3. учение о жанрах и типах словарей,

1.1.4. учение об элементах и параметрах словаря,

1.1.5. учение об основах лексикографического конструирования,

1.1.6. учение о первичных словарных материалах, т. е. учение о картотеках,

1.1.7. учение о планировании и организации словарной работы,

1.2. история лексикографии,

1.2.1. история словарей,

1.2.2. история решения типовых лексикографических проблем,

2.0. практическая лексикография

2.1. создание словарей и других произведений словарного типа,

2.2. накопление и хранение словарных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию М., 1977.
3. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
4. Денисов П. Н. Основные проблемы теории лексикографии: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1976.

5. Морковкин В. В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному / Под ред. В. В. Морковкина и Л. Б. Трушиной. М., 1986. С. 102—117.
6. Морковкин В. В. Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на Шестом международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. М., 1986. С. 214—228.
7. Zgusta L. Manual of lexicography. Praha, 1971.
8. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.
9. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.— Л., 1941.
10. Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970.